

© 2006 г. Г.Е. КРЕЙДЛИН

ИКОНИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ В ДИСКУРСЕ

Даже в тех ситуациях устного общения, когда речевые единицы являются преобладающими, доминирующими способами выражения и трансляции смыслов, последние, как правило, оформляются структурно и кодируются не одними только естественно-языковыми средствами, но также знаковыми элементами поз, мимики и знаковыми движениями различных частей тела. Важную роль здесь играют иконические жесты, которые в акте коммуникации отражают природный символический процесс представления мысли.

В статье описываются структура и дискурсивные функции иконических жестов разных семиотических классов, а также факторы, влияющие на производство, распознавание и интерпретацию иконических жестов в различных коммуникативных ситуациях.

1. ВВЕДЕНИЕ

Многие проблемы лингвистики и семиотики были, как известно, поставлены еще в античные времена. Одна из них фактически была сформулирована Платоном в его диалоге “Кратил” и получила известность в семиотике под именем “проблемы Кратила”. А именно ставится вопрос о том, каким образом мир и его различные фрагменты отображаются в естественном языке. Эту проблему необходимо распространить и на другие знаковые коды, ибо столь же важно сегодня понять, какова невербальная концептуализация мира, то есть как мир преломляется в мозгу человека и отражается в невербальных и, прежде всего, в соматических, или телесных, знаковых кодах. Теоретически на последний вопрос можно предложить два содержательных априорных ответа. Первый состоит в том, что если мы можем говорить о мире, пользуясь каким-то знаковым кодом и не обязательно непосредственно обращаясь к миру, то знаковые коды и реальность в определенной степени должны быть похожи друг на друга. Разумеется, психофизические способности и материально-телесная природа людей накладывают ограничения на концептуализацию мира и обработку знаний о нем, что применительно к телесному коду предполагает наличие рестрикций на свободу выбора жестовых знаков и моделей поведения при разговоре о мире и его фрагментах. Второй ответ заключается в том, что жестовые языки и мир – это абсолютно независимые друг от друга и не похожие одна на другую сущности, вследствие чего языки жестов отражают мир и его фрагменты весьма условно и по-разному причудливо.

Невербальная семиотика готова сегодня утверждать, что существование во всех известных нам языках тела – наряду с символическими и индексальными (по Ч. Пирсу) – жестовых иконических знаков свидетельствует лишь о большей или меньшей степени детерминизма и, если угодно, “иконизации” невербальной концептуализации и знаковой репрезентации мира и его частей. На протяжении истории невербальные знаки проходят долгий и сложный путь от иконических до символических единиц, от выражения конкретных и “простых” значений с помощью иконических форм к выражению сложных абстрактных идей при помощи форм символических. Даже в тех ситуациях устного общения, когда речевые единицы являются преобладающими, доминирующими способами выражения и трансляции смыслов, последние, как правило, оформляются структурно и кодируются не одними только естественно-языковыми средствами, но также знаковыми элементами поз, мимики и знаковыми движениями различных частей тела.

Как известно, термин “иконический” применительно к знакам впервые в семиотику ввел Ч. Пирс. Согласно данному Ч. Пирсом определению понятия **иконического знака**, или, как сам Ч. Пирс называл его, **иконы**, “иконический знак – это знак, который соотносится с обозначаемым объектом только посредством своих собственных характеристик, признаков, которыми знак обладает всегда, вне зависимости от того, существует такой объект в действительности или нет” (“An icon is a sign which refers to the object it denotes merely by virtue of characters of its own, and which it possesses, just the same, whether any such object actually exists or not” [Pierce 1931—1958, 1: 247]. Далее в той же работе (с. 276) Ч. Пирс пишет, что иконический знак служит для того, чтобы “представить объект в основном через сходство с ним, каким бы ни был способ существования объекта” (“to represent its object mainly by similarity, no matter what its mode of being”).

Иконические жесты, или кинемы, в акте коммуникации обычно выступают в функции эмблематических и иллюстративных знаков¹ и отражают природный символический процесс представления мысли. Слово “природный” я употребляю здесь в том смысле, что иконические жесты обычно репрезентируют физиологически естественные, “натуральные” движения тела, которые не поддаются сколько-нибудь содержательной классификации и в процессе означивания, то есть превращения в знаки или цепочки знаков, не нуждаются в каких-то особых социальных конвенциях.

В связи с иконическими жестами возникают исключительно важные и разнообразные по содержанию вопросы. Вот лишь некоторые из них.

Что из себя вообще представляет телесное отображение действительности и насколько человеческое тело пригодно и свободно для семиотической концептуализации мира? Какие концептуальные программы и когнитивные модели реализует данный иконический жест (или целый класс иконических жестов) и какие смыслы при этом выражаются? Какого рода артефакты и признаки выбирают разные культуры и жестовые языки для кодирования иконами? Какие характеристики объектов и действий легко имитировать, а какие трудно, и сколь велика эффективность узнавания и понимания иконических жестов в диалоге? Далеко не все эти проблемы даже поставлены, но все они ожидают своего решения.

2. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И КЛАССЫ ИКОНИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ

В целом ряде работ (см. [Fomel 1987; Rozik 1998; Streeck 1987; Schegloff 1984]) было показано, что невербальные иконы, помимо того, что они выполняют изобразительную, назывную и коммуникативную функции, являются важным средством организации, то есть ориентации, упорядочения и структурирования, актуального коммуникативного взаимодействия людей. Иконический жест может изображать соотносимое с ним действие и получать интерпретацию как при наличии обязательного вербального контекста, выступая в функции иллюстративного жеста (иллюстратора), так и при отсутствии такового, исполняя роль эмблематического жеста, или эмблемы [Крейдлин 2002].

Начну как раз с иконических коммуникативных эмблем. Иконический эмблематический жест кодирует аспекты значения и выполняет коммуникативные функции, передавая смысловую информацию многими разными способами. Здесь можно выделить два крупных подкласса жестов по признаку их связи с референтами. Первый подкласс образуют знаки, у которых связь со своими референтами непосредственная, то есть которые, так сказать, напрямую отображают мир, – данное явление можно назвать **прямой иконичностью**. Такова, например, ситуация, когда человек объясняет или поясняет руками объекты: он рисует руками круг, прямоугольник или какую-либо кривую, изображает руками в воздухе рамку картины или изображает разнообразные по характеру движения, например, поворот ключа, открывающего входную дверь дома, или открыва-

¹ См. об иллюстративных жестах, или иллюстраторах, в книге [Крейдлин 2002].

ние дверцы автомашины. Или жестикулирующий передает движение молотка при забивании гвоздя: сжатая в кулак одна рука имитирует движение молотка в направлении к другой, статичной, руке, тоже сжатой в кулак и как бы держащей невидимый гвоздь. Второй подкласс состоит из коммуникативных икон-эмблем, каждая из которых похожа не на свой референт – объект и действие (событие), а на некоторый другой объект, лишь косвенным образом связанный с соответствующим референтом. Речь идет о так называемой **косвенной иконичности**. Косвенная иконичность чаще всего проявляется в ситуациях, когда референция к предмету или действию осуществляется посредством изобразительной метафоры, то есть когда предмет или действие отображаются не прямо сами по себе, а путем ассоциативной отсылки к другому предмету или событию. Например, это происходит при исполнении жеста, в котором указательный и средний пальцы жестикулирующего располагаются у рта: демонстрируется положение пальцев, которое бывает, в частности, во время курения, или им показывается сама сигарета. Косвенная иконичность проявляется также при реализации жеста, который условно назову “телефон” (изображается либо предмет, который находится у уха, то есть, по ассоциации, телефонная трубка, либо сам телефонный разговор); её можно увидеть и в детском жесте “выстрел”, иначе называемым “пистолет у виска”. Иконы этого подкласса обозначают также количество при счете, размер, объем и другие параметры объектов.

Иконические жесты образуют высказывания или участвуют в высказываниях, в которых одни жестовые знаки функционируют как субъекты пропозиции, а другие исполняют роль предикатов. Изображая поведение человека, можно одним жестом указать референт, то есть объект идентификации, скажем, указать на некоего человека головой или пальцем, а другим жестом сообщить о нем что-то, например, выпятив вперед живот, сказать этим, что данный человек толстый. Или, чуть наклонив вниз голову и подставив ладонь одной руки под глазами, изобразить другой рукой стекающие слезы, то есть показать жестом, что человек плачет.

Большинство русских иконических эмблем, участвуя в коммуникации и отображая некую ситуацию, однако, совмещают сразу обе функции – и субъектную и предикатную. Поднимая над головой вытянутую вертикально вверх руку, человек этим движением описывает, как правило, не человека и не высоту вообще, а обозначает некоего конкретного стоящего высокого человека или длинный вертикально стоящий предмет. Точно так же человек изображает высоту конкретного человека, располагая ладонь поднятой руки параллельно плоскости земли или пола. Имитируя закрытие или открытие форточки, жестикулирующий сообщает этим, либо что сам произведет (а может быть, уже произвел) соответствующее действие, либо что он просит сделать это адресата, и т.п.

Среди иконических жестов, причем не только эмблем, но и иллюстраторов, к которым я постепенно перехожу, выделяются знаки, играющие особенно важную роль в социальной коммуникации. К ним относятся, в частности, многие риторические и этикетные жесты. Примером риторических иллюстративных жестов, относящихся к основам ораторской техники, типичной, например, для Франции XVIII века, служат особые символические движения, иконически отображающие отдельные речевые ораторские приемы. Иконический эмблематический жест **кулак Дантона**² (физическая реализация: вытянутая вперед рука, пальцы сжаты в кулаке) тоже имеет риторическое употребление: оратор, подавляя речь, плотно сжимал губы и, выкатив глаза, устремлял кулак в сторону аудитории. Этот мануальный жест является очевидной невербальной метафорой, выражающей установку на отталкивание и одновременно на вторжение, проникновение в аудиторию, а также, что все эти действия происходят в актуальном настоящем времени. Говоря *Проходите, пожалуйста*, мы можем, даже если в данной конкретной ситуации вполне понятно, куда именно нас приглашают пройти, выразить валентность места-цели и направления невербальным способом, а именно этикетным знаковым движением

² Здесь и далее жесты выделены жирным шрифтом, а их языковые номинации – курсивом.

руки, отображающим одновременно и направление, и место-цель движения. Рука одного человека служит также опорой другому человеку. Так, помогая партнеру выйти из машины, сойти с лестницы, придерживая или ведя ее или его под руку, мы каждый раз совершаем этикетные иконические жесты руки, которая действует во всех перечисленных случаях как твердый предмет, как опора.

В отличие от эмблем, иконы-иллюстраторы, как, собственно, и остальные виды иллюстративных жестов, не способны передавать значение независимо от вербального контекста и никогда не употребляются изолированно от него. Однако в противоположность другим типам иллюстраторов, иконы-иллюстраторы формой и движением **изображают**, а не просто **обозначают** значение. И в тех случаях, когда иконический жест выступает в тексте вместе с речью, “изображаемое” значение весьма сложным образом коррелирует со смыслом сопровождаемых вербальных высказываний.

Важными подклассами иллюстративных (а также, впрочем, и эмблематических) иконических жестов являются **пространственные** и **временные маркеры**, **кинефонографы** и **кинетографы**.

Пространственные маркеры – это жесты, изображающие разнообразные пространственные отношения. В коммуникативном акте они показывают размер или расположение человека или объекта в пространстве, а также, например, дистанцию, отделяющую один объект или одного человека от другого. К пространственным маркерам относятся жесты “**вот какой**” (показывая этим жестом, в частности, рост или размер)³, “**от сих до сих**”, “**здесь**”, “**там**”, “**вон**”, “**вот такого роста**” (форма жеста: рука на нужной высоте расположена горизонтально поверхности земли ладонью вниз на высоте) и т.п.

По своим функциям и семантике некоторые из этих иконических жестов близки к дейктическим, или указательным, жестам.

Временные маркеры отображают временные отношения. Например, при произнесении высказывания *Он сделал это очень медленно (быстро)* скорость движущейся руки (часто наряду с амплигудой) может меняться в соответствии со сказанным. Точно так же разные мануальные движения коррелируют с растягиванием или, наоборот, с убыстрением произносимых слогов. Высказывание учителя математики *Я хочу, чтобы вы не торопились и, внимательно посмотрев на график, определили, с какой скоростью движется машина*, которую мне как-то довелось услышать, ничего не говорит о величине скорости, однако в тот момент рука учителя двигалась довольно быстро, невольно подсказывая учащимся, что скорость движения не была очень маленькой.

Кинефонографами являются жесты, соединяющие изображение движений тела или также отдельных частей тела человека или животного с речью либо с производимыми при этих движениях неречевыми звуками. Ср., например, изображение ходьбы человека попеременным движением указательного и большого пальцев или передачу галопа лошади с помощью быстрого перебирания и постукивания пальцев о некоторую поверхность, то есть с помощью кинемы, которая сопровождает звук, имитирующий стук копыт, изображение полета птицы. Еще один пример кинефонографа – это имитация детьми звука и движения вращающихся колес паровоза или поворачивающегося руля автомобиля. Особый подкласс кинефонографов составляют жесты, которые отображают также путь и движение человеческой мысли.

Кинетографами являются кинемы, изображающие произвольные действия, за исключением собственно движений, и имитирующие траекторию, силу и некоторые другие параметры действий, а также сопровождающие их звучания. Примером кинетографов служат кинемы, иконически изображающие резание или сгибание предмета, резание ножницами, удар молотка, лепку. Имеются кинетографы, имитирующие петлю или другие фигуры высшего пилотажа, которые исполняет самолет. Есть кинетограф “слу-

³ Если жест в данном языке жестов не имеет стандартного обозначения, то последнее берется в кавычки.

шаю” (форма жеста: человек выгибает ладонью руки ухо в направлении собеседника, удерживая ухо некоторое время в таком положении), кинетографы, изображающие закрываемую с силой книгу или показывающие деньги. В последнем случае икона представляет собой жест со следующей формой: указательный и большой пальцы трутся друг о друга, имитируя шелест денег при счете или различных платежных операциях.

З а м е ч а н и е. Д. Эфрон, который, видимо, первый рассмотрел такие жесты, для их обозначения использовал близкие, но не тождественные по объему и содержанию термины **идеографические жесты** и **кинетографические жесты**. Под идеографическими жестами он понимал “gestures which trace or sketch out in the air the path and direction of thought” (‘жесты, которые вычеркивают или схематически изображают в воздухе путь и направление движения мысли’). А под кинетографическими жестами он имел в виду “gestures that depict a bodily action” (‘жесты, которые изображают телесное движение’) [Efron 1941 / 1972: 10–11].

3. ИКОНИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ И ИХ СВОЙСТВА

Способы изображения значения у разных невербальных икон, не важно эмблемы это или иллюстраторы, бывают разными. Несмотря на исходно биологическую, а потому, казалось бы, универсальную природу и способ выражения значения, иконические жесты разных культур в общем случае не совпадают: культурная и языковая специфика сказываются как на физической реализации жестов, так и на особенностях выражаемых ими значений. Именно по этой причине жестовые иконы одних культур не всегда распознаются и понимаются представителями других культур. Так, по данным известной французской исследовательницы Ж. Кальбрис, из 34 французских жестов, большинство которых были иконическими и которые были ею предложены для распознавания венгерским и японским испытуемым, венгры смогли узнать только 11 единиц, а японцы – и того меньше, причем существенно, а именно 6 [Calbris 1990: 38]. Даже введение явной подсказки, очевидного невербального ключа, указывающего на связь жеста с конкретным объектом-референтом или значением, как правило, не приводило к правильной интерпретации жеста. Например, проведение на уровне пояса ребром руки с опущенной вниз ладонью горизонтальной линии поперек туловища, помимо выражения смысла насыщения или пресыщения (примерно значение – ‘наелся’), интерпретировалось информантами также и совсем другими способами. Одни опрашиваемые трактовали данное движение как имеющее форму прямой линии, проведенной на уровне живота и выражающее идею ‘ниже пояса’. Другие видели в этом жесте линию, фиксирующую середину туловища и передающую идею ‘средне, так себе’, то есть рассматривали данную невербальную единицу как эквивалент французского *comme ci, comme ça*. Третьи считали, что такая прямая показывает уровень, который не следует превышать (это семантика ограничения, что-то вроде ‘достал, вот ты где у меня’). Четвертые рассматривали ту же линию как разделительную черту, однако ориентированную на нижнюю половину тела, а само движение интерпретировали как невербальный знак, передающий идею низа, то есть понимали его как вульгарный, обценный жест, связанный своей семантикой с местоположением гениталий.

Существуют, однако, весьма сильные связи и мотивации исполняемых жестовых движений и выражаемых ими значений, являющиеся хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых психических процессов. Например, собранные мной данные по разным жестовым языкам и культурам говорят о том, что контакт руки / рук с головой во всех этих языках и культурах актуализирует представление об основных функциях и свойствах именно этих частей тела. Прикладывание ладони или пальцев руки к голове, различные жестовые движения руки в области головы (см. жесты **обхватить голову руками**, **приложить палец к виску** или **приложить ладонь ко лбу**, **погладить по голове**, **хлопать по лбу** и пр.) свидетельствуют о различных функциях, традиционно приписываемых обществом голове. В частности, все эти жесты говорят о том, что голова отвечает за интеллектуальную деятельность человека (ср. смыслы ‘размышление’, ‘вспоминание’, ‘забывание’, ‘осмысление текущей ситуации’ и т.д.). Исполняя жесты **трясти головой** или **потирать голову руками**, человек показывает, что некое событие вызвало у не-

го недоумение или непонимание, и он как бы встряхивает и приводит в движение мысль, чтобы понять случившееся. Таким образом, иконический элемент значения имеется и у всех этих, символических (по Ч. Пирсу), жестов.

Жесты, активным органом при воспроизведении которых является рука, а пассивным – голова, иконически напоминают нам о тех человеческих качествах, которые связаны с реализацией некоей психической деятельности, локализуемой в голове (ср. невербальные выражения таких качеств, как ум, безумство, душевное расстройство, упорство / упрямство, отчаяние и т. п.). Такое движение, как обхватывание рукой горла, свидетельствует о внезапно появившемся комке в горле, о наступившем или подступающем удушье, о боли в горле, а жест **закрыть рукой глаза** говорит о нежелании видеть или желании, чтобы тебя не видели, об усталости глаз и т.д.

Приведенные примеры показывают, что для многих иконических жестов можно обнаружить и описать глубокую внутреннюю и неслучайную связь между формой и значением, хотя, следует признать, что в большинстве случаев поиск мотивации в форме, структуре и особенностях того или иного жестового движения напоминает разгадывание крайне непростой, а то и попросту неразрешимой загадки.

Как мне кажется, последнее происходит по причине, о которой я уже вскользь говорил, а именно потому, что иконические знаки, если воспользоваться терминологией Г. Фреге [Фреге 1952], скорее **показывают** или **изображают** (show, depict) значение, чем **обозначают** (denote) его. Вместе с тем ни форма иконического знака-жеста, ни характер движения не позволяют на все сто процентов правильно извлечь значение из физической реализации, то есть формы, жеста. Почти всегда дополнительно требуется соотнести и отождествить какой-то фрагмент контекста, как правило, вербального, с жестовыми коррелятами.

В связи с этим можно задаться вполне естественным вопросом: а зачем люди вообще тогда производят иконические жесты? Ведь получается, что иконические жесты – это знаки, очевидным образом избыточные и не нужные для выполнения тех обычных коммуникативных задач, которые стоят перед участниками диалогического общения.

Чтобы попробовать ответить на поставленный вопрос, я приведу сначала три примера употребления иконических жестов западных культур, которые я взял из разных статей по кинесике⁴. Я привожу здесь эти примеры с одной-единственной целью – продемонстрировать формальное и смысловое разнообразие и самих иконических жестов и ситуаций их употребления.

Первый пример заимствован мной из статьи [Riseborough 1981].

“Что-то вроде длинной цилиндрической шляпы”. Эта фраза произносится в сопровождении такого жеста: руки сложены вместе на уровне груди, каждая отображает цилиндрическую форму, затем руки постепенно разъезжаются, раздвигаются в горизонтальном направлении до тех пор, пока каждая не вытянется во всю длину.

Второй пример взят из статьи [McNeil 1986].

Рассказывая о сети проводов, установленных на фуникулере, человек поднимает вверх обе руки вместе, пальцы моментально складываются в замок.

Третий пример содержится в работе [Kendon 1980].

Фраза *У них был во какой* (или: *вот такой*) **большой торт!** сопровождается круговым движением или серией круговых движений предплечьем и кистью руки с направленным вниз выпрямленным указательным пальцем. Высказывание *Какой большой торт!* уместно лишь в той ситуации, когда торт находится в поле зрения говорящего и слушающего, а жест, изображающий большой торт, уместен лишь тогда, когда слушающий не видит торт и чтобы восполнить это упущение, говорящий показывает слуша-

⁴ Примерами русских иконических жестов, отличные от тех, что даны выше, являются жесты **надутые щеки**, **выпятить живот**, “**плавание**”, “**спать хочется**” (форма: руки под голову, голова наклонена, будто покоится на подушке, глаза закрыты), “**бинокль**”, “**подозрная труба**”, “**клавиатура (печатной машинки или компьютера)**”, “**игра на барабанах (или ксилофоне)**” и др.

ощему, как выглядит торт. Фраза, сопровождающая описанный жест, может звучать, например, так: *У них был вот такой большой торт!*

Теперь обращусь к некоторым факторам, влияющим на распознавание и интерпретацию иконических жестов.

4. ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИКОНИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ

И при синтезе устного текста, когда принимается во внимание взаимодействие словесного и жестового кодов, и при анализе встречающихся в таком тексте употреблений иконических иллюстраторов и иконических эмблем необходимо учитывать фактор времени, прежде всего, временного тактиса. В частности, опережение, синхронность или запаздывание жеста, аккомпанирующего речи или иллюстрирующего речь⁵, помогают уточнить, а иногда и дополнить выражаемый жестом смысл.

Исходное предположение здесь у большинства исследователей жестов по сути дела одно и то же, поскольку оно представляется довольно естественным. Его можно сформулировать примерно так: если когнитивная связь вербального и жестового каналов существует, то процессы вербализации и жестикуляции должны хотя бы частично перекрываться по времени. Известный американский психолог и специалист по невербальной семиотике А. Кендон в своей работе [Kendon 1985] приводит пример использования иконических иллюстраторов, соотносимых с целым блоком идей, и наложения смыслового содержания, выражаемого жестом, на содержание, кодируемое языковыми единицами. Когда дочь говорит матери *You don't know anything about it* 'Ты ничего об этом не знаешь' и, как бы отгалкивая её, сопровождает сказанное жестом – движением руки в сторону с ладонью, повернутой к лицу матери, – то, как пишет А. Кендон, можно думать, что этот жест дополняет сразу же последовавшую за первой вторую фразу дочери *Don't interfere it with business* 'Не путай это с бизнесом' и частично накладывается на него.

Было неоднократно и вполне убедительно показано, что обычно слова, идущие в дискурсе задолго до или много позже воспроизводимого жеста, с ним не связаны. Установлено также, что если неиконические иллюстраторы, такие как, например, жестовые ударения, взаимодействуют преимущественно с супraseгментными (ударением, тоном) и отдельными сегментными фонологическими единицами, в частности с встречающимися на границах морфем, то иконические иллюстраторы связаны главным образом с лексикой текста.

У большинства иконических иллюстраторов есть подготовительная фаза, или **экзкурсия** [Крейдлин 2002], во время которой рука движется к стартовому положению со сравнительно небольшой скоростью [Nadar, Butterworth 1997: 154]. Иконические иллюстраторы, как утверждают в указанной работе У. Хадар и Б. Баттерворф, обычно начинаются перед речевым сообщением, но не сразу, а с небольшой временной задержкой. Среднее временное запаздывание (mean time lag, в терминологии авторов) по их данным составило порядка 1 сек, а вариативность запаздывания находилась в пределах от 0 до 2,5 сек. Заканчивались же иконы спустя примерно 1,5 сек после того, как начинались их лексические спутники (affiliates).

5. СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИКОНИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ

Теперь посмотрим, имеются ли общие структурные характеристики, объединяющие все иконические жесты. Тут на помощь приходят исследования специалистов в области биологии и математической теории сложности движений. Как это не раз предлагалось

⁵ Об аккомпанирующих и собственно иллюстративных жестах – этих двух важнейших дискурсивных типах иллюстративных жестов – см. [Печерская 2002].

делать, сложность движения можно измерять количеством векторных поворотов при его производстве, то есть количеством смен направлений в геометрии движения, и геометрическим образом или схемой траектории движения.

Иконические иллюстраторы по меньшей мере тремя структурными характеристиками отличаются от еще более высокочастотных аккомпаниаторов – жестов-ударов.

Во-первых, все иконы-иллюстраторы имеют не менее чем два векторных компонента и несколько поворотов, что противопоставляет их более простым в этом отношении жестовым ударам, имеющим обычно один векторный жестовый компонент или, в крайне редком случае два, производимым с одной и той же силой, но в противоположных направлениях.

Во-вторых, в отличие от жестов-ударов, иконы-иллюстраторы имеют довольно широкую амплитуду [Nadar, Butterworth 1997: 151].

В-третьих, по причине своей широкой амплитуды они являются единицами, относительно продолжительными в воспроизведении: большинство из них длится, как правило, более чем полсекунды⁶.

Рассмотрю здесь лишь один пример. Среди русских иконических иллюстраторов есть жест “то ли так, то ли так” (по форме совпадающий с английским “so-so”), отражающий колебания в выборе одного из членов альтернативы. Однократный или двукратный поворот кисти руки вправо-влево (либо наоборот, сначала влево, потом вправо) с широкой для кисти амплитудой поворота и не очень быстрый по времени, в особенности, если выбор решения затруднителен, иконически передает это мысленное колебание жестикулирующего.

6. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИКОНИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ

Закljučая анализ иконических жестов, я рассмотрю отдельно важнейшие контекстуальные характеристики икон-иллюстраторов.

Иконические жесты-иллюстраторы, по крайней мере русские жесты, возникают обычно по соседству с теми участками устного дискурса, где у адресанта теряется беглость речи. По своему происхождению и по роли в контексте иконические иллюстраторы, видимо, делятся на два класса.

Одни жесты, по-видимому, рождаются в ходе **концептуального планирования речи**, отражая сам процесс планирования, тогда как другие являются внешней манифестацией иного процесса – процесса **порождения речи**. То, что иллюстратор, соседствующий с речью, демонстрирует смысловую соотнесенность со своим лексическим спутником, означает не только то, что какой-то аспект семантики данного высказывания определен до лексического выбора и до порождения жеста, но и что в замысел говорящего уже входило то, каким, вербальным или жестовым, способом будет передан данный смысл.

Иконические иллюстративные жесты выполняют несколько контекстных функций. Прежде всего, (1) они облегчают порождения речи, и проявляется это в целом ряде внешне наблюдаемых фактов. Так, человек, не желающий употребить в речи некоторое слово или выражение и пытающийся не допустить возникновения в разговоре нежелательной паузы, так сказать, “тянет время”. Употребляя вместо слова жест (обычно это неопределенный по направлению и амплитуде жест руки), он делает общение непрерывным или более гладким.

Далее, (2) с помощью иконических иллюстраторов и жестикуляции один партнер может подсказать другому нужное, но сейчас забытое слово (“помню, но забыл”).

(3) Наконец, исполняемые иллюстративные жесты, отображающие изобразительно самые разнообразные элементы и аспекты ситуации, существенно способствуют по-

⁶ Соответствующие данные о невербальном поведении носителей русской культуры содержатся в работе [Печерская 2002], французский материал по этой теме частично представлен в статье [Рико-Кассар 2005].

рождению устного текста. Например, пытаясь вспомнить реплику из некогда имевшего место диалога или желая подобрать точно выражающее мысль слово, жестикулирующий человек восстанавливает в памяти разнообразные аспекты репрезентируемой ситуации и вспоминает, кто были участники того диалога, как они были одеты, что делали, а также более наглядно представляет внешний контекст диалога, происходившего в прошлом. Он **чесет голову, морщит лоб, приоткрывает рот, щелкает пальцами, смотрит в одну точку**, например, вбок или вверх, как бы прерывая связь с миром, **закрывает лицо руками** и др.

Согласно существующим представлениям о том, как происходит порождение речи, и моделям порождения, поиск необходимой лексической единицы проходит две стадии.

На первой стадии, исходя из имеющейся к данному моменту концептуальной и смысловой спецификации (конкретизации), ищется абстрактная лексическая единица соответствующего содержания. Этот первый промежуточный этап на пути к окончательному выбору адекватного поверхностного имени лексемы в литературе часто называют «построением семантического лексикона»⁷, или лемматизацией (lemma retrieval)⁸.

На второй стадии информация, полученная на первом этапе, используется для поиска адекватной фонологической или графической формы слова (или отдельной лексемы в случае полисемии) в существующем фонологическом или графическом фонде языка, то есть предполагается, что форма берется из имеющихся лексиконов⁹.

В терминах данной модели порождения лексики устного текста семантическая приемлемость жеста может зависеть, таким образом, от смысловой спецификации, которая открывает путь к лексикону или облегчает к нему доступ. И вероятный функциональный кандидат на роль жеста – это тот знак, который может демонстрацией отдельных смысловых комплексов облегчить лексический поиск.

Иконические иллюстративные жесты, как было показано в целом ряде экспериментов и как отмечается в работе [Nadar, Butterworth 1997: 159–161], связывают речь на обоих стадиях обработки – и, так сказать, на постсемантической, и на предречевой. Тесная связь жестов с ситуацией затрудненности или дефицита речи дает основания полагать, что они активно участвуют в процессе облегчения порождения речи и отражают некоторые особенности этого процесса.

Первое фундаментальное допущение, которое здесь неявным образом принимается, таково: в процессе производства устной речи концептуальная обработка информации активизирует визуальные, жестовые, тактильные и другие невербальные каналы передачи информации и соответствующие образы. Делается это, предположительно, автоматически и, предположительно, в той мере, в которой признаки, участвующие в такой обработке, помогают вызвать мысленный образ объекта.

Некоторое подтверждение сформулированной гипотезы можно найти в реально наблюдаемых фактах, показывающих, что иконические жесты и мимика являются самыми ранними формами жестовой коммуникации как в онтогенезе (см. информацию на сей счет, в частности, в книгах [McNeil 1992; Крейдлин 2002]), так и в филогенезе [Kimura 1979: 197–220]. Например, с жестами и мимикой мы можем встретиться еще до словесных выражений, подобно тому, как мы наблюдаем движения глаз или губ еще до чтения вслух или во время чтения. Такие телесные движения не являются результатом всецело интенционального процесса, но после того, как они начались, их волевым усилием можно прекратить.

⁷ См., например, работы [Howard, Franklin 1988; Butterworth 1989].

⁸ См., в частности [Kempen, Huijbers 1983; Levelt 1989].

⁹ В действительности, ситуация выглядит несколько более сложной: фонологические и графические единицы могут тоже конструироваться из имеющихся или даже из частей имеющихся единиц. Ср. образование аббревиатур, неологизмов, сложных единств типа окказиональных имен *Никуда-не-годник*, *Как-бы-чего-не вышло*, паразыковых единиц – аналогов междометий типа *мммм!*, *ц-ц-ц* либо производных от междометий слов, не представленных в словарях, таких как *о.охоношски*, *<все эти> хихаханьки*, *огогошеньки* и т.п.

Второе, столь же важное, допущение состоит в том, что визуальный, тактильный или иной сенсорный образ являются посредниками между концептуальной обработкой информации и порождением иконических жестов. Предполагается, например, что возникающий визуальный образ облегчает поиск и нахождение слова при синтезе устного текста. Это происходит благодаря трем разным операциям: (а) фокусированием внимания на каком-то аспекте или фрагменте при концептуальной обработке, (б) постоянным наблюдением за ключевыми признаками во время смыслового отбора и (в) отслеживанием того, как проходит непосредственная активизация форм слов в фонологическом лексиконе. Неудачи при поиске слова дают возможность выявить черты образа или мысленного представления и определить, что представляют собой связанные с этими чертами жесты.

Д. МакНил [McNeil 1992] утверждает, что жесты возникают на ранней стадии построения сообщения, или, в его терминологии, “коммуникативной динамики” (“communicative dynamics”), то есть тогда же, когда порождается и языковая материал (“linguistic production”). По словам ученого, жестовые знаки проходят путь от когнитивного представления через образную репрезентацию смысла к выражающей его моторной артикуляции, при этом постоянно соединяясь и взаимодействуя с речью. Однако жесты, как считает Д. МакНил, совсем не обязательно связаны с лексическим выбором.

Его оппоненты У. Хадар и Б. Баттерворф [Nadar, Butterworth 1997] с таким выводом Д. МакНила не согласны, и я к ним присоединяюсь. Они полагают, что их представление, закрепленное в модели порождения устного текста, которую они предлагают, гораздо лучше объясняет факты соединения вербальной и жестовой продукции. Они проверили свою гипотезу (и подтвердили ее на большом материале), что жесты с низкой смысловой конкретизацией, то есть жесты более абстрактные и менее определенные по смыслу, должны давать большие временные задержки и с большей вероятностью появляться в “предсловных” и “предсентенциальных” позициях, чем жесты с высокой смысловой конкретизацией. Нарушение этой закономерности употребления обычно порождает коммуникативный конфликт.

Модель, предлагаемая У. Хадаром и Б. Баттерворфом, объясняет также и то, почему люди, испытывающие семантические трудности, производят больше пред-лексических (до-семантических) жестов, а люди, испытывающие затруднения в поиске фонологического оформления смысла, производят больше пост-лексических (пост-семантических) жестов.

Иконические иллюстраторы могут, разумеется, выполнять отдельные коммуникативные функции, но по отношению к той совокупности когнитивных функций, которые они выполняют, передача информации является не основным, а вторичным, второстепенным их назначением. Однако еще до того, как рассматривать значение и поведение иконических жестов в контексте, в котором они встречаются или могут встретиться, и строго описать их функциональное назначение, следовало бы для каждого из этих жестов определить, что представляют собой те смыслы и когнитивные идеи, которые они призваны кодировать и передавать. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня ни для одной культуры и ни для одного языка жестов не существует ни объяснительных словарей, ни хотя бы отдельных описаний основных иконических телесных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Крейдлин 2002 – Г.Е. Крейдлин. Невербальная семиотика. М., 2002.
Печерская 2001 – И.Б. Печерская. Семантика лекторского жеста. Дипломная работа слушателя 2 курса. Институт европейских культур. М., 2001 (рукопись).
Рико-Кассар 2005 – Ф. Рико-Кассар. Сопоставительный анализ невербального знакового поведения французских и русских лекторов во время лекций // Московский лингвистический журнал. Т. 8. № 2. 2005.
Фреге 1952 – Г. Фреге. О смысле и значении. М., 1952.

- Butterworth 1989 – *B. Butterworth*. Lexical access in speech production // W. Marslen-Wilson (ed.). Lexical representation and process. Cambridge (Mass.), 1989.
- Calbris 1990 – *G. Calbris*. The semiotics of French gestures. Bloomington, 1990.
- Efron 1941 / 1972 – *D. Efron*. Gesture and environment. New York, 1941 (2-nd edition – Gesture, race and culture. New York, 1972).
- Fornel 1987 – *M. de Fornel*. The relevance of gesture to repair in conversation // International pragmatics conference. Abstracts. Antwerp, 1987.
- Hadar, Butterworth 1997 – *U. Hadar, B. Butterworth*. Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech // *Semiotica*. V. 115. № 1–2. 1997.
- Howard, Franklin 1988 – *D. Howard, S. Franklin*. Missing the meaning. Cambridge (Mass), 1988.
- Katz 1975 – *J. Katz*. Semantic theory. New York, 1975.
- Kempen, Huijbers 1983 – *G. Kempen, P. Huijbers*. The lexicalization process in sentence production and naming: Indirect selection of words // *Cognition*. 14. 1983.
- Kendon 1980 – *A. Kendon*. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance // M.R. Key (ed.). The relationship of verbal and nonverbal communication. The Hague, 1980.
- Kendon 1985 – *A. Kendon*. Some uses of gesture // D. Tannen, M. Saviile-Troike (eds.). Perspectives on silence. Norwood (New Jersey), 1985.
- Kimura 1979 – *D. Kimura*. Neuromotor mechanisms in the evolution of human communication // H.D. Steklis, M.J. Raleigh (eds.). Neurobiology of nonverbal communication in primates: An evolutionary perspective. New York, 1979.
- Levelt 1989 – *W.J. Levelt*. Speaking: From intention to articulation. Cambridge (Mass), 1989.
- McNeil 1986 – *D. McNeil*. Iconic gestures of children and adults // *Semiotica*. 62. 1/2. 1986.
- McNeil 1992 – *D. McNeil*. Hand and mind. Chicago, 1992.
- Pierce 1931–1958 – *Ch.S. Pierce*. Collected papers of Charles Sanders Pierce / Ch. Hartshorne, P. Weiss, A.W. Burks (eds.). V. 1–8. Cambridge (Mass), 1931–1958.
- Riseborough 1981 – *M.G. Riseborough*. Physiographic gestures as decoding facilitators: Three experiments exploring a neglected facet of communication // *Journal of nonverbal behavior*. 5. 1981.
- Rozik 1998 – *E. Rozik*. Ellipsis and surface structures of verbal and nonverbal metaphor // *Semiotica*. 119. № 1/2. 1998.
- Schegloff 1984 – *E.A. Schegloff*. On some gestures' relation to talk // J.M. Atkinson, J.S. Heritage (eds.). Structures of social action. Cambridge, 1984.
- Streeck 1988 – *J. Streeck*. The signification of gesture: how it is established // *Papers in pragmatics*. II. № 2. 1988.